

"Из-за тебя мы опять опоздаем, - хныкала Милка, не переставая, - чего ты копаешься?!" Во мне все клокотало - ну совесть надо иметь?! Можно подумать, это я ей ногу переломала! Она, видите ли, перед мальчиками выпендривается, лихая такая - с забора прыгает (спасибо, что не с крыши), а я должна отдуваться. Хорошо еще, на дворе зима, и я на санках ее в школу таскаю, а что бы я, интересно, без снега делала?

Когда Милка сломала ногу, на меня это не произвело особого впечатления. Меня злило, что родители только об этом и говорят, что мама все время плачет, причитая, какая она маленькая и бедненькая, несчастненькая и любименькая. Мне ужасно хотелось выйти из нашей с Милкой комнаты и сказать, что она сама во всем виновата и нечего ее жалеть, потому что она дура набитая. Тем более что Милка в это время, как королева, сидела на кушетке, вся обложенная конфетами, яблоками и мандаринами. Свою загипсованную ногу она любовно укладывала на подушки и была очень горда собой. В общем, обидно мне было. "Неужели, чтобы все вокруг тебя скакали и забрасывали подарками, - размышляла я, - обязательно надо выкинуть какую-нибудь глупость?! Странные все-таки люди, эти родители!"

Иногда, когда мы всей семьей собирались за столом, мама шутила: "Грех жаловаться, повезло мне с дочерьми! Одна у меня умная, а другая - красивая!" Мы с Милкой обе были с этим утверждением не согласны. Вернее, если и соглашались, то наполовину. Потому что я, не отличаясь писаной красотой, все-таки была симпатичной, а Милка, будучи на пять лет моложе меня, в свои десять умна была не по годам. Мальчишками вертела, как хотела, и постоянно учила меня жить.

"Ты, главное, своему Варнавскому не показывай, что он тебе нравится, - говорила она, - смотри на него, ну, например, как на лягушку! Увидишь, он тут же запляшет под твою дудочку!" Но Варнавский не плясал ни при каких обстоятельствах. Он вообще меня не замечал. Правда, однажды, когда прозвенел звонок, и все оголтело ринулись в класс, он вдруг остановился и пропустил меня вперед. У меня даже дух перехватило, и я сама предложила ему дать списать домашнюю работу по математике. Он чинно поблагодарил и списал тут же, на подоконнике.

Вечером, еле дождавшись, когда родители уйдут в свою комнату, я сообщила об этом событии Милке! Она подпрыгнула от восторга: "Ну что я тебе говорила?! Мы его доконали! - радостно потирая руки, констатировала она. - Он влюбился!" И хотя мне с трудом в это верилось, думать так было приятно.

В житейских вопросах Милка была гораздо мудрее меня. Каждую мою безответную любовь она тщательно анализировала, разбирая молодых людей буквально по косточкам. Слушая ее рассуждения, я регулярно приходила к выводу, что в моей очередной тайной страсти нет никакого смысла. Почему-то всегда выходило, что объект влюбленности либо тупой, либо урод. И интерес мой как-то незаметно угасал.

Телефон в нашем доме звонил постоянно, но мальчишечьи голоса спрашивали только Милку. Прижав трубку плечом к уху, она щебетала весело и свободно, а меня одолевала тоска: я понимала - никогда у меня так не получится. "Это потому, что она такая красивая", - с горечью думала я, разглядывая в зеркале свое нескладное отражение.

Когда "скорая" привезла Милку в больницу, сломанная нога распухла до невероятных размеров. Рентген показал двойной перелом со смещением. "Жалко, - сказал молодой хирург перепуганной насмерть маме, - но ваша девочка, по всей вероятности, будет хромать". Захлебываясь от рыданий, мама вечером сбивчиво рассказывала об этом папе, он пытался ее утешить, а я стояла рядом со скорбным выражением лица и ни чуточки не страдала.

Шел декабрь, последний месяц второй четверти, Милка все еще была в гипсе, я возила ее в школу и обратно на санках, зажав под мышкой костыли. Она держала наши портфели, и всю дорогу распевала: "Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно, как виденье неуловима, каждый день ты проходишь мимо..." Она пребывала в отличном настроении. В школе кавалеры наперебой помогали ей подниматься по лестнице и стали еще внимательней. Они постоянно дарили ей кто шоколадку, кто печенье, кто игрушку, а Милка снисходительно принимала подношения. Дома она, как ни в чем не бывало, рассуждала о том, что наденет на Новогодний бал, чтобы сразить всех окончательно. Комплексов в связи с костылями и загипсованной выше колена ногой у нее и в помине не было.

Двадцать пятого декабря занятия в школе наконец закончились. Нас отпустили на зимние каникулы, впереди был Новый Год и все связанные с ним радости. В предвкушении двухнедельного отдыха и окончания саночной эпопеи я стремительно везла Милку домой. "Да, Любочка, - тараторила она, - завтра - последний день твоих мучений! Отвезешь меня на огонек и обратно, а в понедельник мне уже гипс снимут. Правда, мне не очень-то этого хочется, мне на санках каждый день кататься понравилось, а без гипса ты меня точно возить не будешь." И она вопросительно посмотрела на меня. "Конечно, не буду, - возмутилась я. - И как у тебя совести хватает такие вопросы задавать?!" "А я разве спрашивала? - удивленно пожала плечами Милка. - Я, наоборот, утверждала!"

Не успели мы войти в дом, как зазвонил телефон. "Это тебя, - сказала я, ни секунды не сомневаясь, - сама снимай трубку, мне надо обед разогревать!" Милка, цепляясь то одной, то другой рукой за пианино, на одной ноге ловко запрыгала к телефону.

Я поставила на плиту кастрюлю с супом, накрыла на стол и позвала Милку есть. К моему удивлению, она сразу прискакала и уселась за стол. "Как это ты так быстро от телефона оторвалась?" - спросила я, наливая Милке суп. "Так это тебе кто-то звонил, а я сказала, что ты занята." "Кто звонил?!" - воскликнула я. "Да парень какой-то невежливый, не поздоровался даже", - пробубнила Милка, набрав полный рот гущи от супа. Я ее чуть не убила! "Какой парень?!" - завопила я страшным голосом. - И с какой стати ты меня не позвала?!" "Чего ты волнуешься! -

невозмутимо заявила Милка, намазывая маслом мягкую горбушку, которую она варварски отломала от свежего батона. - Очень надо будет, перезвонит как миленький! А если не перезвонит, на что он тебе сдался?"

Я не нашла, что ответить. Пошла и заперлась в ванной. Милка не обратила на это внимания. И тут снова зазвонил телефон.

Боже мой, это был Варнавский! И он предложил мне встретиться завтра, в первый же день каникул! И пойти на каток в Сокольники! Я согласилась, не раздумывая! Лишь положив трубку, я вспомнила про милкин Новогодний бал. Ничего не подозревая, она раскладывала на диване свои нехитрые наряды. "И охота тебе туда тащиться? - начала я к ней подъезжать. - Может, лучше дома поваляешься, отдохнешь, телик посмотришь? Завтра, между прочим, кино про любовь будет!" "Ты что, с дуба рухнула?! - Милка от изумления выкатила глаза. - Мне уже Перфилов звонил! И Евдокимов! И Федька Бобров три раза! Чего они там делать-то будут, если я не приду?!" "А что они будут делать, если ты придешь?" - спросила я от безысходности. "Ревновать, сама, что ли, не понимаешь?!" - Милка покачала головой, удивляясь моей наивности, и заговорщически добавила: "Смотри лучше, я у мамы роскошный чулок стащила!" "Зачем тебе один чулок?" - устало поинтересовалась я. "Ну, ты вообще! - Милка закатила глаза. - А зачем мне второй?! Он же на гипс не налезает!"

Едва дождавшись маму с работы, я увела ее на кухню. "Мамуль, - сказала я, отведя глаза, - Милка собралась на бал. По-моему, это ужасно. Все будут там танцевать, а она? Нельзя так травмировать ребенка!" Мама внимательно посмотрела на меня и спросила: "А у тебя завтра тоже бал?" "Нет, я просто пойду погуляю с ребятами из класса", - мне показалось, что я покраснела, и от этого я еще больше смутилась. Мама молча почистила картошку, поставила ее варить и пошла к Милке в комнату. Минут через десять она вернулась, погладила меня по голове и спокойно, как будто иначе и быть не могло, сказала: "Она останется дома. А ты погуляй, только возвращайся не поздно..."

На следующее утро уже я суетилась перед зеркалом, подбирая костюм, подходящий для катка. В конце концов я остановилась на зеленых брюках и маминой лыжной куртке. Милка невозмутимо следила за моей беготней, и в лице ее не было ни капли сожаления о пресловутом бале. "Ты лучше длинный свитер в зеленую искорку надень, - вдруг посоветовала она, - во-первых, к брюкам подойдет, а во-вторых, эта куртка с ними вообще не сочетается". Я ей просто поражалась: она не скулила, не ругалась, а

напротив, вела себя крайне доброжелательно. Боясь сглазить это несвойственное ей состояние, я послушно переделалась и в радостном возбуждении выскочила на улицу.

В метро на душе у меня стало мутно. "Бедный ребенок, - подумала я, - осталась там одна-одинешенька, да еще в этом жутком гипсе. Плачет, наверное". Внутри у меня все заняло, но до Сокольников было три минуты езды, и мне пришлось отбросить неприятные мысли подальше.

На улице Варнавского не оказалось, и я сразу испугалась, что он не придет. "Тогда я себе этого не прощу!" - решила я. Но через мгновение я услышала его смех. У газетного киоска стояла целая компания мальчишек из нашего класса. "Гоните деньги! - сказал им Варнавский с довольной усмешкой. - Я выиграл, ч. т. д.!" "Что и требовалось доказать..." - автоматически расшифровала я в уме. Андрей Поляков, угрюмый молчун, от которого никто никогда, кроме ответов на уроках, ничего не слышал, протянул ему двадцать копеек и бросил мне в лицо ужасные слова: "Не думал, что ты свою Милку на этого придурка променяешь!" Варнавский заржал, как будто придурком обозвали не его, а кого-то другого.

Тут все, что было перед моими глазами, стало каким-то смазанным и блеклым. Не помню, как я подошла к Варнавскому, но я подошла и ударила его ногой в живот. С размаху. Варнавский согнулся и стал хватать ртом воздух. Ребята остолбенели. Я отвернулась и, не видя ничего вокруг, пошла в метро. Никто меня не догонял.

Милка, услышав, как открылась входная дверь, вскочила с кресла на одну ногу с криком "Почему ты вернулась?!" Не отвечая на вопрос, я сдержанно сказала: "Собирайся, еще успеет на бал..." Милка завизжала от восторга и кинулась к шкафу. Вывалив все вещи на пол, она начала было в них разбираться, но вдруг остановилась, подняла на меня свои круглые карие глазенки и очень тихо спросила: "Он не пришел, да?" "Кто он?" - напряглась я. "Варнавский, - прошептала Милка. - Мама мне сказала, что у тебя свидание, а я догадалась, что с ним".

Видимо, я изменилась в лице, потому что она вдруг замахала на меня руками, испугавшись, что я неправильно ее поняла: "Мама не знает, не волнуйся, я не проговорилась!" Слезы брызнули у меня из глаз, совершенно без сил я опустилась на стул.

Милка бросилась ко мне, ладонями сжала мой подбородок, подняла к своему лицу и, ловя мой взгляд, заговорила быстро, стараясь из-за всех своих силенок вернуть меня в нормальное состояние: "Ты что, с ума сошла?! Да плюнь ты на него, да ну их вообще, этих мужиков, зачем они нам с тобой?! Ну не в них же счастье! И не пойду я ни на какой бал, пусть они там хоть перемрут с тоски!.."

Я молчала, прижимая к груди худенькую детскую фигурку, и повторяла про себя как заклинание: "Прости меня, прости меня, прости"...